

жениями. Увлекаются, но надевают каменную маску и пред другими, и пред собою. Знают, но молчат. Хотят, но боятся.

Им, этим нерешительным, раздвоенным и робким хочется сказать: «Предел достигнут. Надо сделать выбор. Там — мертвые ошибки, брюзжание недовольных стариков, упрямство оскорбленных самолюбий, надменность выношенной схемы по адресу едва рожденной жизни. Здесь порыв исканий, брожение кипучих сил, дерзость творчества, изломы на путях к вершинам.

Решайтесь.

Не бойтесь тех, кто грозит истлевшим уже давно мечом трафаретов, раздавленных стремительной поступью событий. Бойтесь оказаться душою вне жизни и ее заветов. Это тем страшнее, что материя вашего бытия захвачена зубцами ее колес.

Бойтесь оторваться от своего народа.

Нет греха в отряхивании прочь гнилого праха. Но есть один лишь грех, которому нет прощения: хула на Духа Святого не прощается.

Для гражданина — Дух Святой в народе и с народом. Не возлагайте на него хулы: ни словом, ни молчанием; ни делом, ни бездействием.

Ибо только это не простится никогда.

## **Логика упрямства (Ответ П. Н. Милюкову)**

П. Н. Милюков всегда хорошо пишет, но порою плохо читает.

Особенно плохо читает он тех, кого не хочет правильно понять. Не хочет, ибо в противном случае пришлось бы признать, что истина бывает иногда на стороне людей, отвергнувших его теперешний катехизис. Отвергнувших потому, что в их душе в споре мертвой схемы с живой Россией, победа оказалась на стороне последней.

Так именно П. Н. Милюков прочел и мою недавно напечатанную в «Накануне» статью «Две ошибки»<sup>1</sup>, подробному разбору которой он посвятил большой фельетон в «Последних Новостях»<sup>2</sup>.

Фельетон этот написан, впрочем, не только для полемики с моими политическими построениями, но и для того, чтобы свести некоторые личные счета со мною, как с тем, кто перешел в ряды «сменовеховцев» прямо из лона милюковской «демократической группы партии народной свободы».

К сожалению, при сведении этих счетов П. Н. Милюков изменил своей обычной публицистической манере, бывшей до сих пор одним из его общественно-политических достоинств. По-видимому, под ощущением «удара», нанесенного, по его словам, ему и его единомышленникам моим уходом от них, он не сохранил на сей раз ни объективности в споре, ни корректного отношения к личности противника.

И отказавшись от собственных традиций, П. Н. Милюков, начав с очень ярких по моему адресу комплиментов, не обошелся вслед затем без некоторых диверсий по той изъезженной и дурной дороге, которая так налюблена эмигрантскими сусловами в отношении ненавистной «смены вех».

Тут и ссылка на какие-то прецеденты моей политической эволюции, якобы ставшие ему известными лишь *post factum*, — хотя вся моя политическая эволюция проходила на его глазах, и притом (кроме, конечно, последнего моего шага) — в том же направлении и в те же моменты, что и его собственная эволюция.

Тут и шумное заглавие «Логика ренегата», хотя, как видно из фельетона, автор его ничего «ренегатского» в моих положениях и выводах не нашел. Притом же П. Н. Милюкову более, чем кому-либо другому, должно быть известно, что политические концепции могут радикально изменяться, а «прецеденты его политической эволюции» могли бы ему напомнить, что в таких случаях криком «ренегат» отвечает обывательская трясина на смело высказанную новую правду.

Тут, наконец, и темный намек на никогда не существовавшие в действительности «несколько побочных обстоятельств», якобы «прервавшие отношения» со мною милюковской группы, — хотя в этом утверждении не больше истины, чем в тех «побочных» объяснениях, которыми злобствующие противники так любят сопровождать каждый новый поворот П. Н. Милюкова. Ведь ему следовало бы знать, что «сношения» были прерваны именно мною, по моей инициативе, из-за идейного моего с группой разрыва, обостренного его статьями в «Последних Новостях» по поводу Генуэзской конференции.

Но... пора поставить точку на вопросах персональных. Обратимся к существу спора.

Однако как раз это сделать не так легко. Дело в том, что мой критик и судья не столько со мной спорит, сколько меня подозревает в «задних мыслях». Ибо исходя, очевидно, из того предположения, что «сменовеховцы» — народ злокозненный. П. Н. Милюков, почти не возражая против явного смысла моей статьи, все хочет докопаться еще до какого-то нового, тайного эзотерического ее смысла. И потому теперь ему видятся «лазейки» и «перспективы» даже в тех простых

и точных формулах, которые он прежде охотно принимал от меня для напечатания в «Последних Новостях».

И в самом деле. Исходное положение моей статьи говорило, что принять революцию — значит поддержать объективный ход событий, оформляя и организуя его, но недопустимо навязывать исторической стихии приготовленные собственной субъективной логикой ответы. Мысль, против которой не спорит и П. Н. Милюков им которую я высказывал и на страницах его газеты, — но теперь, когда она грозит обратиться не только против реакционной клики, а и против него самого, он подозрительно косится на этот тезис, отодвигаясь от него подальше. Ибо он чувствует, что принять его, как то он делал прежде, значит обязаться к просмотру своих «субъективных схем, — а это для него теперь еще психологически слишком трудно; и уклоняясь от необходимого пересмотра, как бы для того, чтобы выиграть время, он хочет от меня услышать, где же точная граница между оформлением и организацией с одной стороны и субъективными идеалами с другой.

Вопрос, поставленный П. Н. Милюковым, может иметь два значения, отвлеченное и конкретное. В первом случае он означает следующее: как распознать действует ли человек на основании анализа объективной действительности, или в порыве романтического увлечения субъективной мечтой? И мне незачем отвечать моему критику на такой вопрос. Ибо он знает так же, как и я, что теория проверяется практикой. Как распознать? По опыту. Для внимательного наблюдателя, учитывающего этот опыт, ход событий всегда обнаруживает свои главные тенденции, ломающие одни схемы, потому что они субъективны, и вливающиеся в другие, потому что они только «организуют и оформляют». Объективно то, что приемлемо для жизни, — субъективно то, что будет отвергаться ей. Так, например, субъективной оказалась милюковская конструкция идеи военной диктатуры, что П. Н. Милюков потом признал; субъективна и его нынешняя теория внутреннего взрыва, что он... пока еще не решается признать.

Но, может быть, П. Н. Милюков имел в виду другое значение этого вопроса? Может быть, он хочет знать, что же «сменовеховцы» и в частности я разумеем под объективными тенденциями развития русской революции? Но и в этом аспекте поставленный вопрос со стороны П. Н. Милюкова является излишним, — ибо он знает, что «сменовеховцы», общего ответа на него не дают; их объединяет выставленное ими требование, чтобы ответ совпадал с объективной линией развития новой русской жизни, — их разделяет различное понимание конечного пункта этой линии.

Ответ самого П. Н. Милюкова действительно очень прост, хотя отнюдь не точен, вопреки его мнению. Ответ его гласит: «демократия». Демократия, но какая? Английского, французского, американского типа? Или, может быть, особого нового русского образца? Сказать «демократия» — значит ничего не сказать. Ибо это — слишком общее понятие, под покровом которого могут притаиться самые различные ответы. А П. Н. Милюков не решается конкретизировать свой ответ. Не решается, ибо подробности скрыты гораздо более, чем, например, от меня детали моего ответа. Это происходит от того, что его ответ гораздо «субъективнее» моей концепции...

Что же касается моего ответа на вопрос, что-то он отнюдь не «каучуковый», как делает вид П. Н. Милюков, а вполне (и более, чем у него) определенный и мой критик прекрасно его видит.

Этот ответ объявляет прежде всего «субъективной» ошибкой и стремления ортодоксальных коммунистов, и ожидания трафаретных демократов. С моими выводами в первом пункте П. Н. Милюков вполне согласен, — но лишь «коварно» задает вопрос, социалист ли я или еще цепляюсь за «радикально-буржуазное» мировоззрение группы, мной покинутой. И сам вопрос, и его форма, должен признаться, для меня несколько неожиданны. Что я социалист, хотя и не сторонник традиционных партийных социалистических трафаретов, это П. Н. Милюков мог бы заметить и по моим статьям, печатавшимся раньше в «Последних Новостях» и «The New Russia»<sup>3</sup>. По поводу же столь резкого противопоставления социализма своему «буржуазному» мировоззрению со стороны П. Н. Милюкова, не могу не вспомнить, как в 1917 году редактируемая им газета «Речь» в передовой статье писала, что партия к.-д. в любом западноевропейском государстве признавалась бы партией социалистической...

Не более, впрочем, понятно и обоснование П. Н. Милюковым, его разногласия со мной по второму пункту отрицательной части моего ответа, т. е. по поводу русских демократов традиционного толка. Вопрос поставлен так: может ли быть объективным идеалом для завершения русской революции «нормальный» западноевропейский порядок, давно превратившийся из «нормы» в пережиток. П. Н. Милюков думает, что отрицательный ответ равносильен «евразийству». Почему? Совершенно непонятно.

От рецепции тих элементов западной культуры, в которых есть и жизнь, и здоровье, не зарекается никто. Но речь идет ведь о другом. Речь идет о том социально-политическом западном порядке, глубокий кризис которого не решается отрицать прямо и П. Н. Милюков. И на вопрос, может ли такой порядок быть творческим венцом

русской революции, приходится, конечно, ответить резким — нет! Победоносная революция, по свойственному ей всегда закону, может быть завершена только лишь порядком, таящим в себе основы здорового и устойчивого развития новой жизни. Таких основ нынешняя западная «норма» дать не может. Правда, некогда положительные творческие силы были свойственны и ей, — но рецепировать западный образец в этой его стадии и форме Россия, конечно, не может, ибо уже до революции ее социально-хозяйственный быт перерос те рамки, которые бы допускали бы такую раннюю форму западного «образца».

И таким образом остается лишь одно из двух: или Россия вовсе неспособна возродиться, или же ее возрождение будет построено на основах, новых не только по отношению к ее прежним «устоям», но и по отношению к современным западным «примерам».

Можно ли предвидеть уже теперь эти основы? Я думаю, что можно. И напрасно П. Н. Милюков думает, что я оказался «без руля и без ветрил» только потому, что я отверг два соперничающих трафарета. Я отверг то, что отвергла русская революция, и нашел то, что творится новой Россией, выросшей на почве «октября».

Что именно — П. Н. Милюков знает. Это преобладание общего интереса над частным, воплощенное в общественно-хозяйственной структуре страны, и построение политической системы на власти народных (т. е. трудовых) масс посредством преобразования и развития тех органов народной власти, которые уже возникли в процессе революции.

И я не детализирую его не ради глубокомыслия, а потому, что вместить всю полноту подобной картины будущей России и пределы газетной статьи невозможно. Да к тому же всякие прозрения грядущего могут обосновать лишь главные свои черты, а чрезмерная детализация их грозит покрыть все построение пеленой утопизма. И что ни говорит П. Н. Милюков, а точнее предопределение всех конкретностей «выводов революции» все же «скрыто еще от глаз современников».

Вот и все. Или вернее — почти все.

С этим *kuzzer Sinn*<sup>4</sup> моих речей П. Н. Милюков, очевидно, согласен, ибо говорит, что из-за этих взглядов мне не стоило уходить от него в «Накануне». И здесь он кончает.

Но здесь уже и обращаю к нему вопрос.

Ответственный политик, конечно, точно взвешивает каждое свое слово. И когда П. Н. Милюков принимает или по крайней мере — не отвергает «краткий смысл» моих речей, то прекрасно знает в чем здесь дело. Когда он принимает, следовательно, народную власть, построенную на ее органах, уже возникших в процессе революции, —



то этот «краткий смысл» для него вполне ясен. Он знает: эти органы — это советы, и эта власть — власть Советов.

Но если так, если таков и Ваш ближайший идеал, то неужели Вы не видите, что ему противоречит Ваше «революционное» отрицание подлинной теперешней России и существующего в ней порядка? Неужели Вы не знаете, что единственный к нему путь — в приятии уже и нынешней советской власти и в общей с ней работе над общим преобразованием?

Не может быть. И я боюсь, что к Вам применимы слова другой моей статьи о тех, кто «знает, но молчит»... Не может быть, чтоб Вы не знали.

И если Вы знаете, но молчите, ибо не хотите признать себя ошибившимся и побежденным, — то это первый случай в Нашей жизни, когда логику реального политика убила логика упрямства.

## **Трагедия и современность (По поводу доклада Ф. А. Степпуна<sup>1</sup>)**

Печатается в дискуссионном порядке

Это было лет пять тому назад.

Москва, еще не выбитая окончательно из прежней колеи. Барский особняк на Смоленском бульваре. Зимний вечер.

Тот самый вечер, в который в Москву пришла первая весть о жуткой гибели Кокошкина и Шингарева<sup>2</sup>.

Кто не был этой вестью потрясен?

И все же в особняке состоялся назначенный доклад на религиозно-философскую тему, и были прения, и произносились речи.

Ибо пред взором каждого развевалась такая ширь грозных и величественных перспектив и вопросов, наряду с которой тускнела ценность человеческих жизней. Даже этих двух человеческих жизней...

И доклад, и следовавшие за ним речи диспутантов, хотя и поднимались на высоты отвлеченной метафизики, но неизбежно вновь спускались в гущу действительности и кружились около вопроса о значении только что грянувшей октябрьской бури.

И все, почти все, в том числе и Степпун, признавали случившееся хоть и катастрофой, но поверхностной и второстепенной. Думали и говорили, что Россия отряхнет ее с себя, как дождевые брызги.